Гинзбург Валерий

28.07.99

Общая газета. — 1999. — 22-28 июля. — с.10

Эх, Вася, друг!

Кинооператор Валерий ГИНЗБУРГ работал с Василием Шукшиным с первого фильма

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ на фильме «Когда деревья были большими». Я эту картину снимал, он в ней снимался. Вася был человеком нелюдимым и мало с кем общался. А вся съемочная группа жила в деревне весело: Никулин, Кулиджанов, Куравлев... Вася был на отшибе.

С кем я его всегда видел вместе, так это с Леней Куравлевым. Потом понял, что уже в то время они говорили о Пашке Колокольникове, о первой шукшинской картине «Живет такой парень». Когда запускался этот фильм, Шукшин с директором картины пришли ко мне. Вася говорит: «Вы когда-нибудь бывали на Алтае? Поедем, посмотрите». Через несколько дней мы прилетели в Сростки, к его маме — она тут же баньку истопила, бражку приготовила. Пару дней погостили у нее и поехали по Чуйскому тракту. Вот тогда я увидел то, что раньше знал только по шукшинским рассказам. Например, то место, где разбился его друг, моряк. Там стоит самодельный памятник, на котором написано только: «Эх, Вася, друг», — а внизу так и валяются обломки машины. Этого в сценарии не было, но многие эпизоды рождались вот так — после осмотра натуры.

Надо сказать, Шукшин очень легко писал, переписывал, вносил поправки, слушал советы и делал все это с удовольствием. С ним оператору было очень интересно работать. Я даже сказал ему однажды, что буду защищать писателя Шукшина от произвола режиссера Шукшина, который мог уходить очень далеко, нисколько не держась за свою литературу. У него было любимое слово: «Отдай!» Если не получается то, что придумали, если вышла неправда (тоже его любимое слово), то — «отдай».

Работа над его так и не осуществившимся сценарием «Степан Разин» в моей жизни один из самых великолепных периодов. Для Шукшина Разин был наиболее характерной фигурой русской истории: в нем слились ярчайшие русские национальные черты — необузданность, вольница и страшная непоследовательность в поступках. Сам Шукшин понимал, что это смыкается и с его собственным характером. То, что он будет играть Разина, как-то само собой разумелось. Был в сценарии такой персонаж — Матвей Иванов, из пермской ветви движения. В какой-то момент работы я пришел к твердому убеждению, что Шукшину надо сыграть и Матвея: «Довольно часто один актер играет две роли, это возможно. И если ты сыграешь и Матвея, то будет совершенно ясна авторская позиция. Ведь Матвей, — это разинская боль, его второе «я»... В какой-то мере мне удалось Шукшина убедить.

Фильм все время стопорился с запуском. Все вроде бы шло нормально, но... Вначале киношные власти испугались нехрестоматийного прочтения образа Разина, поскольку в первом варианте сценария не было никакой персидской княжны. Очень хорошо помню,

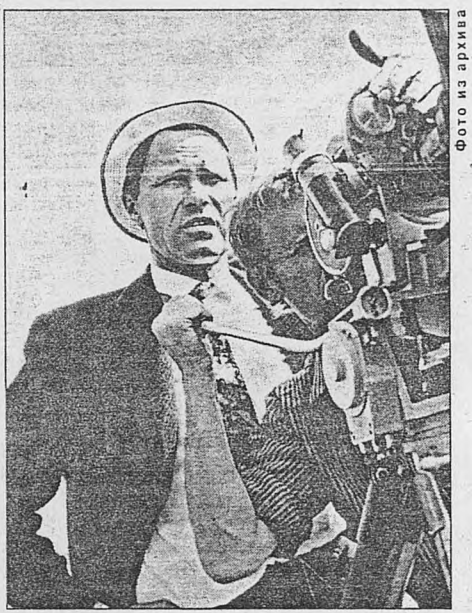

Фото из архива

как мы сидели в комнате у Аполлинарьевича (С.А. Герасимова. — Ред.), и он сказал Васе: «Друг мой, так нельзя — народ знает, что Разин бросил княжну в набежавшую волну, а ты почему-то не бросаешь. Народ этого не простит». И Шукшин поддался этому нажиму. Он иногда был очень упорен, а иногда быстро сдавался, если кто-то что-то сказал. Но нехрестоматийность — отличие его Разина от официальной трактовки — была гораздо глубже, чем просто эпизод с княжной.

В то время черно-белые картины уже перестали снимать, но Шукшин боялся переходить к цвету. Он мне говорил: «Валя, это будет опера, пошлость страшная». Я его пытался успокоить, понимая: цвет будет обязательно, хотя наша пленка была малочувствительная, нестабильная, хорошей осветительной аппаратуры тоже не было. Но однажды он мне сказал: «Знаешь, финал нам без цвета никак не сделать. Для меня главное здесь — предательство Разина, когда он бросает свое войско и с кучкой казаков убегает с места боя. Это же страшное предательство — предательство крестьян». Он всегда подчеркивал, что Разин вовсе не был вожаком крестьянского восстания, как этому учат в школе. Он был исконным донским казаком, чуждым крестьянам. И когда он их предает, то за ним должен стелиться кровавый след. От этого кровавого шлейфа — мы придумывали красные шарфы к ногам коней привязывать, красить землю, пускать красные дымы — пришло его примирение с тем, что картина будет снята в цвете.

Однажды я попал в лабораторию Шукшина-писателя. Мы приехали в Астрахань. В местном музее ничего особого, посвященного Разину, не обнаружили. Нам дали координаты историка, занимающегося этой темой. Заходим к нему в дом, он сидит во главе большого стола, что-то уже приготовил: папки, рисунки, книжки... Разговор в основном ведет Вася, а мой взгляд шарит по стенам, завешанным базарной олеографией: лебеди, портреты, пейзажи — в общем кич. Хозяину, видимо, не хватило каких-то материалов. А он сидел за столом как богатырь — мощный торс. И вот встает со стула, опираясь на руки: не безногий, а как Тулуз-Лотрек — с недоросшими ногами. Продолжаем беседовать, прощаемся, и черт меня дернул за язык: «Чьи это работы по стенам висят?» Тут хозяина словно прорвало, со страшной ненавистью он начал говорить, что на самом деле он не историк, а художник. Что без конца посылает свои работы в Москву, а ему отвечают, что это не живопись. Вася прямо впился в него, слушая этот гневный монолог. Вечером того же дня Шукшин прочитал мне сцену. Разинцы заняли астраханский кремль, жгут приказные книги, творится черт-те что, и вдруг посреди этого шабаша подкатывается калека к Разину: «Батька, защити! Я пишу иконки, а вот этот самый митрополит Георгий их бракует!..» Можете открыть роман — все это потом туда перешло. На мой взгляд, одна из лучших сцен.